

Издательская новинка

Новые поколения многонационального рабочего класса

Из предисловия к вышедшей на итальянском языке книге Пьермариа Даволи "Demografia e migrazioni nel mutamento epocale".

Международная миграция затрагивает весь мир, но имеет и будет иметь в начале XXI века два особо выделяющихся направления: Северная Америка (США и Канада) и Европа. Речь идёт о двух регионах с наибольшей концентрацией экономической мощи, и оба они вступили в фазу *демографической зимы*, находящую отражение в заметном старении и сокращении численности трудоспособного населения. В связи с этим в них направляются массовые миграционные потоки из тех регионов, где неравномерное развитие делает доступной потенциальную рабочую силу в необходимых возрастных группах. Источником являются географически близкие регионы, но не только: для Северной Америки – резервуар Центральной и Южной Америки, а также Азия (Индия, Филиппины); для Европы – западная часть Азии и Африка.

Перипетии миграции из Центральной Америки в США не сходят с экранов новостей уже несколько десятилетий: забор, разделяющий юг США и Мексику, – один из самых конкретных памятников противоречиям современного мира. Американский империализм в стране, рождённой иммиграцией, в которой он продолжает нуждаться, всё ещё не в состоянии управлять ею, находясь в плену у внутривнутриполитических столкновений, которые подпитываются предвыборной погоней за испуганным общественным мнением и расизмом, пребывая в бесконечном коротком замыкании. Наш класс расплачивается за это сполна.

После второй мировой войны Европа регулярно становилась местом притяжения иммигрантов, которые компенсируют пробелы, оставляемые набирающей обороты *демографической зимой*, начавшейся после послевоенного "бэби-бума", завершившегося в 1960-х годах. 2015 год обрёл символический масштаб: кризис, связанный с беженцами со Среднего Востока и концентрированный во времени приток более миллиона человек, наложившийся на достаточно постоянный приток беженцев из Африки и других регионов мира в предыдущие десятилетия. Тогда мы писали о *европейской империалистической политике в отношении иммиграции*: несмотря на беспрецедентную политическую напряжённость, она стала почти находкой – появились массы молодой, относительно хорошо образованной рабочей силы. С тех пор прошло почти десять лет, а европейская производственная машина, переживающей нарастающий демографический кризис, всё больше нуждается в рабочей силе иммигрантов; разрыв в возрастных группах трудоспособного населения увеличивается, и на европейском рынке труда возникает почти беспрецедентное явление – конкуренция за иммигрантов. Германия в 2015 году была и остаётся в авангарде, демонстрируя то, что станет *лейтмотивом* обновленной *иммиграционной политики европейского империализма* в ближайшие годы. В ближайшие десятилетия переплетение демографических и миграционных тенденций будет ещё более тесным.

Внутренние миграции, причём не только внутри государств, но также на короткие и средние расстояния, являются частью истории современного промышленного капитализма и циклов его развития. Например, после второй мировой во Франции началось "*славное тридцатилетие*", как назвал этот период Жан Фурастье, а в Италии в то же время с этим наступил "экономический бум". В обоих случаях развитие сопровождалось массовым перемещением населения в центры роста, как и во многих других промышленно развитых странах, вовлечённых в цикл экспансии после второй мировой войны. Эти стремительные перемещения уже давно прекратились в передовых экономических районах всех индустриальных регионов империалистической зрелости, сменившись органичной и регулярной циркуляцией рабочей силы, к которой следует прибавить международную миграцию. Однако эти процессы продолжаются в Африке, в

Азии и, в частности, в Китае, где они подпитывали стремительный рост “Дракона” на протяжении последних тридцати лет, представляя собой беспрецедентное явление не по своему характеру, который является закономерностью капиталистического развития, а по количественным масштабам. Мы неоднократно подчёркивали значимость перемещения населения Китая из сельской местности в города – процесса, стоящего за созданием фабрики мира, индустриальной базы китайского империализма. Самые современные оценки подтверждают тенденцию: с 2000 года (456 млн человек) по 2021 года (901 млн) городское население Китая удвоилось, но и это ещё не конец, поскольку население, классифицируемое как “сельское”, по-прежнему составляет 37 %.

Темы народонаселения и миграции занимали центральное место в стратегическом анализе Арриго Черветто, как с точки зрения аспектов, касающихся мирового империалистического противостояния, так и с точки зрения классовой динамики в Италии. Для изучения этого мы отсылаем к третьему тому истории *Lotta Comunista*. Здесь мы отметим лишь три из множества аспектов этого анализа. Во-первых, уже в 1970-е годы были замечены и подчёркнуты признаки разворота тенденции демографического роста в промышленно развитых странах, особенно в Европе и Италии. Второй аспект состоял в анализе тесной связи данной тенденции с расстановкой сил и социальной реструктуризацией. Третий аспект – применительно к анализу социальной реструктуризации в Италии – в прослеживании связи быстрого падения рождаемости с особенностями послевоенного экспансивного экономического цикла и вытекающими из него *социальными сдвигами*, в которых миллионы выпускников вузов и университетов подпитывали новые *промежуточные слои* технических и канцелярских работников, бюрократии: отсюда и последующий поворот от страны эмигрантов к метрополии иммиграции.

Буржуазные исследователи демографических тенденций всегда задавались вопросом: является ли демография “судьбой”?

Интерпретация вопроса различается. В Соединённых Штатах он в основном означает вопрос о том, зависит ли сила нации от её демографического веса в сравнении с другими государствами. Иными словами, связана ли “судьба” державы, т.е. роль, которую она может и будет играть в глобальной конкуренции, с её демографией? В этом смысле на вопрос обычно отвечают утвердительно, что в эпоху империализма также означает включение демографии в поле противостояния между державами. Вопрос, конечно, не нов, поскольку он восходит к формированию современных государств. Наглядное проявление он получил в противостоянии Франции, которая во второй половине XIX века первой испытала кризис рождаемости и, соответственно, демографический кризис, и соседней Германии, которая с этим не сталкивалась. В результате возникла дискуссия, приведшая к французской наталистической политике, плоды которой Париж пожинает и сегодня. И сегодня, в условиях многополярного мира XXI века, этот вопрос становится всё более актуальным. Совсем недавним примером могут служить тезисы канцлера Германии Олафа Шольца о многополярности, в которых говорится о странах Африки, Азии, Карибского бассейна и Латинской Америки, которые на новом этапе глобализации *«постепенно становятся более процветающими»* и, следовательно, смогут *«претендовать на более значимую роль в мировых делах в соответствии с их растущим экономическим и демографическим весом»*.

В других странах, особенно в Европе, преобладает другой смысл того же вопроса о “судьбе”: можно ли повлиять на демографические тенденции путём вмешательства в политическую или экономическую политику? Иначе говоря, является ли будущее населения государств некой “судьбой”, на которую человек не может повлиять, или же оно может быть направлено и изменено политическими мерами? Так, с помощью *наталистской политики*, которая в XX веке, и ещё больше в настоящее время, пыталась и пытается противостоять в некоторых более развитых странах снижению рождаемости, продолжающемуся уже многие десятилетия, стремятся остановить сокращение

численности населения, а значит, и трудоспособного населения. На другой стороне – *антинаталистская политика (контроль рождаемости)*, направленная на снижение темпов роста населения, которые рассматриваются как чрезмерные. Она проводилась в течение последних семидесяти лет в таких странах, как Китай и Индия. Связанные с ней меры навсегда останутся вписаны кровавыми чернилами в историю человечества из-за тех бедствий, которые они принесли нашему виду, особенно среди девочек, не родившихся потому, что их не доносили или они были брошены сразу после рождения. Ответ на второй обозначенный вопрос до сих пор неясен. Если оценивать демографические тенденции в долгосрочной перспективе, как это и нужно делать и как это можно сделать сейчас, учитывая накопленный опыт более чем двухвекового периода бурного капиталистического и демографического развития, то преобладающий ответ – *нет*. Демографическая политика не может существенно изменить фундаментальные тенденции капиталистического способа производства, достигшего эпохи зрелого империализма. Соотношение сил в этом споре иное, как показывает пример Франции: Парижу не удалось избежать общей тенденции, которая привела к снижению рождаемости до отметки ниже уровня воспроизводства населения. Тем не менее, отсрочив *демографическую зиму* по крайней мере на поколение, он приобрёл преимущество, которое в среднесрочной перспективе будет иметь вес, измеряемый сотнями тысяч дополнительных рождений.

Однако для марксистов этот вопрос стоит совершенно иначе. Мы видели, что марксистская наука утверждает, что общего закона народонаселения для человечества не существует, а демография подчиняется тенденциям, зависящим от экономической общественной формации и стадии её эволюции. Сегодня действует *закон народонаселения империалистической зрелости*, подкрепляемый тем, что две трети населения Земли проживает в странах, где рождаемость упала ниже порога воспроизводства, а значит, делает неизбежным абсолютное сокращение, поскольку число умерших будет всё в большей мере превышать число родившихся.

Огромная заслуга капитализма состоит в том, что за очень короткий период в историческом смысле он вывел наш вид на уровень, которого он никогда не достигал, даже с точки зрения численности населения Земли. Но за это пришлось заплатить непримиримыми противоречиями, из которых войны, являющиеся ничем иным, как способом самоуничтожения вида, – лишь наиболее очевидное и драматическое проявление. Развитие производительных сил может идти только ценой их уничтожения. Об этом свидетельствует и *демографическая зима*, когда логика капитала уже не в состоянии обеспечить непрерывность рода.

Март 2023 г.